

1984 года • 6

Неизвестное
об известном

«СОАВТОРЫ» ПУШКИНА

Из-за широкой популярности Пушкина ему порой приписывались произведения, ничего общего с его творчеством не имеющие и недостойные его. Часто подпись великого поэта ставили под понравившимися стихами, автор которых был неизвестен. Случалось, что псевдопушкинские стихотворения появлялись даже на страницах журналов. Так, например, в альманахе «Эвтерпа» в 1831 году появилось якобы пушкинское стихотворение «Свадьба». Цель подобных публикаций (которых, кстати, было немало) скорее всего состояла в том, чтобы поднять авторитет издания: как же, ведь в нем печатается сам Пушкин!

Было несколько попыток и продолжить неоконченные произведения Пушкина — драму «Русалка» и роман «Евгений Онегин». «Судьба лучшего человека» — так называлась вышедшая в Петербурге книжка, в подзаголовке которой сообщалось, что данный рассказ в стихах, приписываемый А. С. Пушкину, продолжение романа «Евгений Онегин», сообщил читателям А. Лякидзе.

Эта мистификация была видна каждому. И хотя в предисловии автор ее самокритично приводит некоторые «неудачные выражения», объясняя их поспешностью и неотделанностью пушкинского чернового варианта, ни при какой небрежности не допустил бы Пушкин таких выражений, как «судьба, ей-ей, с меня смеется», вложенные в уста Онегина...

Автор представляет читателям пресыщенного и скучающего Онегина, разъезжающего на тройке по Сибири. Судьба сталкивает его с разными людьми, в том числе с кавалерист-девицей, гостем которой он оказался. Между хозяйкой — антиподом Татьяны и гостем завязывается дискуссия о любимом деле жизни и призвании женщины. Онегин едет дальше. В пути на экипаж нападают грабители и убивают героя.

Иначе описывает дальнейшую судьбу Онегина другой «претендент»: в 1890 году в Москве вышла книга «К неоконченному роману «Евгений Онегин», соч. А. Пушкина. Продолжение и окончание А. Разоренова». Разоренов — поэт-самоучка, автор текста известной песни «Не брани меня, родная». Татьяна у него пишет стихи, которые обнаруживает Онегин в ее альбомах, когда, вернувшись из Парижа, посещает дом старушки Лариной. Не в силах забыть Татьяну,

Онегин ведет в Петербурге замкнутую жизнь. Умирает он раскаявшимся, заещая своим крестьянам вольную.

Сам Пушкин уготовил своему герою другую участь. Как известно, поэт сжег 10-ю главу романа, но, по воспоминаниям современников, он читал друзьям отрывки и рассказывал замысел, по которому Онегин оказывался причастным к восстанию декабристов. Прочтение в 1910 году профессором Морозовым сохранившихся зашифрованных Пушкиным строк 10-й главы подтвердило это.

«Русалку» первым решил «дописать» А. Штуkenберг, опубликовавший ее окончание в 1866 году под псевдонимом А. Крутогоров. А через несколько лет свой вариант представил Е. Богданов. Обе эти попытки, достаточно слабые, прошли незамеченными. Большой спор разгорелся вокруг третьего окончания, появившегося в 1897 году в журнале «Русский архив» и приписываемого на этот раз самому Пушкину. «Маститый старец», тайный советник Д. П. Зуев, написавший на своем веку множество стихов и даже говоривший стихами, в отрочестве якобы слышал чтение всей «Русалки». Последние сцены по его просьбе Пушкин будто бы прочитал дважды, а «чудесная память» Зуева сохранила эти строки. И вот их запись он спустя полвека передает в журнал... «Быть может, сцены эти представляют лишь гениальный набросок того, что вышло бы у поэта при окончательной отделке...», — «скромно» говорится в предисловии к публикации.

Исследование, однако, вскрыло мистификацию Зуева, вознамерившегося поставить себя в один ряд с великим поэтом. Не случайно А. Суворин, посвятивший разоблачению этих подделок несколько статей и заметок, назвал зуевское окончание «попыткой приклеить к «Русалке» Пушкина мочальный хвост».

Л. ИВЧЕНКО.